

МУНИЦИПАЛЬНОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«БЫКОВСКАЯ СРЕДНЯЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА № 2»
БЫКОВСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Судьбы детей народа, репрессированного в период Великой Отечественной войны

Исследовательская работа
Дуненкова Максима,
ученика 10 класса МКОУ
«Быковская СОШ № 2»
Руководитель - **Шипаева**
Татьяна Николаевна,
учитель истории и
обществознания

п. Быково, 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Депортация поволжских немцев	4
ГЛАВА II. Жизнь детей, репрессированных и депортированных родителей	6
2.1. Жизнь детей спецпоселенцев	
2.2. Образование и учеба	
2.3. Отношения с местным населением	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	10
ЛИТЕРАТУРА	11

Введение

О российских немцах заговорили вслух с началом перестройки. Долгие годы об этом народе замалчивалось, а ведь в нашей стране их проживало более 2 миллионов.

Тема репрессий является неотъемлемой частью истории нашего государства и одной из самых тяжелых ее страниц. Написано много работ, но как утверждают историки и сотрудники общества «Мемориал», никто из них не задавался вопросом: а как протекала жизнь детей, чьи родители были репрессированы, и которые прошли вместе с взрослыми все «муки ада»? Но, если взрослые имели какой-то запас сил, стойкости, то, каково было детям: грудничкам, малышам, подросткам, кого вместе с родителями вынуждали существовать в нечеловеческих условиях, в которых часто ломались сильные состоявшиеся люди?

Думаю, что в преддверии 70-летия Великой Победы пора обратиться к теме, как выживали и жили дети репрессированных родителей. Ведь именно они стали следующим поколением граждан, которые восстанавливали разрушенную страну. Эти люди продолжали жить, трудиться, растить детей в государстве, которое было к ним столь сурово, если не сказать - жестоко. В своей работе я попытался на документальных материалах о судьбах конкретных людей и архивных материалах раскрыть жизнь тех, кто носил на себе клеймо детей «врагов народа».

Для раскрытия заявленной темы необходимо было:

1. Изучить и обобщить имеющийся по данной теме материал.
2. Собрать и проанализировать информацию о немцах, живущих в нашем селе.
3. Взять интервью у детей бывших репрессированных родителей.

Глава I. Депортация поволжских немцев в Сибирь

22 июня 1941 г. немцы Поволжья, как и все граждане Советского Союза, узнали о нападении фашистской Германии на СССР и начале войны. Несмотря на многочисленные злодеяния сталинского режима в Немреспублике, чувства патриотизма и возмущения агрессией, охватившие значительную часть ее населения, были вполне искренними. Только за период с 22 по 24 июня в военкоматы, по неполным данным, поступило 1060 заявлений о желании добровольно вступить в ряды Красной Армии. С началом мобилизации недоумение, обиду, недовольство и даже возмущение многих мужчин-немцев, особенно молодежи, вызвал тот факт, что их не призывали в ряды Красной Армии, не отправляли на фронт. «Как в партийные органы, так и в военкоматы, - отмечалось в одном из донесений в Москву, - обращается много людей с просьбами разъяснить им, почему их не берут, а на объяснение, что сейчас пока требуются люди определенных военных специальностей, просят зачислить их в любой род войск». С началом войны массового призыва немцев АССР Немцев Поволжья (далее – АССР НП) на военную службу не было. Тем не менее, в действующей армии находилось свыше 33,5 тыс. советских немцев. В подавляющем своем большинстве это были ранее призванные на военную службу граждане Немреспублики, т.к. еще с 1939 г. призыв граждан немецкой национальности из других регионов в Красную Армию не производился. И хотя с сентября 1941 г. всех немцев-военнослужащих начали из армии изымать, все же в самые трудные военные месяцы лета и осени 1941 г. они воевали на фронте. Многие из них сумели за этот короткий срок проявить свой высокий патриотизм, продемонстрировать такие качества, как мужество, отвага, героизм, высокое воинское мастерство. 10 августа 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР орденом Красного Знамени был награжден уроженец АССР НП командир танкового батальона старший лейтенант А. Шварц. В представлении к ордену говорилось следующее: «В период боев под Сенно с 6 по 10 июля 1941 г, у старшего лейтенанта Шварца в батальоне была отличная

организация боя, в результате чего противник от огня батальона понес большие потери. Было уничтожено 8 танков противника и 4 противотанковых орудия. Благодаря отличной маневренности батальона на поле боя и правильной системе огня противник был введен в заблуждение и его передовой отряд был полностью уничтожен». Тем же указом от 10 августа орденом Ленина был награжден командир 153 стрелковой дивизии полковник Н. Гаген. Его дивизия в числе первых соединений Красной Армии была преобразована в гвардейскую. До войны дивизия, которой командовал Н. Гаген, дислоцировалась в АССР НП, а ее штаб располагался в г. Энгельсе. 28 августа газета «Комсомольская Правда» опубликовала очерк известного писателя Ц. Солодаря «Разговор с красноармейцем Генрихом Нейманом». Вместе со статьей был помещен и портрет воина. Вся страна узнала о немце-зенитчике, сбившем 4 гитлеровских «юнкерса». Словно по иронии судьбы материал о маркштадтце Генрихе Неймане был напечатан именно в тот день, когда родился печально известный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года, который перевернул жизнь целого народа и каждого советского немца в отдельности. Опасаясь предательства, советское правительство начинает депортацию людей немецкой национальности. 34 000 волжских немцев были размещены в вагоны для перевозки скота и в нечеловеческих условиях отправлены в Сибирь.

Из рассказов жителей немецкого происхождения, моих земляков, выяснил, как их семьи были отправлены в Сибирь.

Семья Узингер Ирины Самуиловны была родом из с. Крафт Саратовской области. Сама она родилась в 1940 г. По рассказам родителей знает, что жили они хорошо: добротный дом, хозяйство. Вдвоем работали в колхозе: отец был плотником, а мама - дояркой. Семейное счастье молодой семьи длилось недолго. В начале сентября 1941 г. отец, Самуил Георгиевич, прибежал с работы и сообщил, что будут эвакуировать поволжских немцев по приказу Сталина и отправлять их на место жительства в другие регионы СССР. Мама, Амалия Петровна, и бабушка Анна стали собрать необходимые вещи в дорогу. На сборы дали 24 часа. Корову надо было сдать в колхоз. Остальную живность:

кур, свиней, овец мужики стали резать. Всю ночь мясо тушили, укладывали в ведра и заливали жиром, чтобы оно не испортилось. Сушили сухари. С собой разрешили взять только одежду, постельные принадлежности и небольшой запас продуктов.

«На сбор давали от 2 до 24 часов. Разрешили взять только документы, одежду и немного продуктов. Все остальное: дома, утварь, скотина в хлевах – было брошено на произвол судьбы, - рассказывают Шаф (Шик) Валентина Фридриховна и Владимир Готфридович, - подошли грузовые машины, и родители с детьми стали загружаться. С пастбища пришла корова, вымя полное - корова кричит, мама слезла с машины подоила ее в последний раз, молоко со слезами на глазах разлила по корытам скоту, который оставался в брошенных домах». Довезли их до станции, а позже посадили в вагоны. «Везли в «телятниках», на полу была лишь солома. Продуктов не выдавали, или давали раз в сутки. Через несколько дней тряски в грязных вагонах, когда от скученности, жары, жажды, болезней уже начали умирать дети, переселенцы прибыли в Сибирь, в село Славинка Дробышевского района Омской области», - с болью в сердце вспоминает Валентина Фридриховна. [8,9] Там же, в октябре 1941 года она и появилась на свет.

ГЛАВА II. Жизнь детей, репрессированных и депортированных родителей

2.1. Жизнь детей спецпоселенцев

Дети депортированных вместе с родителями попадали на спецпоселение. Нет данных о том, сколько спецпоселенцев погибли из-за голода, холода, болезней, изнурительного труда. Все они столкнулись с огромными проблемами.

Владимиру Готфридовичу Шаф было всего два года, когда его семью привезли в Сибирь в село Новозаимск Новозаимского района Тюменской области. «А где же жилье, где можно помыться после трудной дороги, поесть чего-нибудь горячего, прилечь отдохнуть? Вместо этого родителям пришлось рыть землянки, кое-как складывать какое-то подобие печек - приближающаяся

зима напоминала о себе заморозками, холодными ветрами. Продуктов не было, меняли у местного населения на вещи, ели сырой картофель. Паяк иждивенца составлял 400 граммов. Маленьким детям (дошкольникам) давали 250 граммов по карточкам. [8]

«Жили впроголодь, постоянно хотелось есть», - вспоминает Узингер И.С. - «Мама работала дояркой, отца забрали в трудармию, а мы с бабушкой ходили по помойкам собирали картофельные очистки, капустные обрезки, дома мыли их и варили. Когда уже не было сил терпеть голод, бабушка вместе со мной ходила по домам, попрошайничала... Зайдем в дом, она толкнет меня, я плачу, она и я тянем руки, просим подать. Кто давал, а кто и прочь нас гнал». [10] «...есть было нечего, много голодали, мама свой паяк старалась отдать нам с бабушкой, саму часто приносили с работы полумертвую, падала в голодные обмороки. Главное было для нее спасти меня от голода, двух старшеньких детей она уже похоронила», - вспоминает Фаиль М.Д. [11] Голодные матери пытались припрятывать для детей молочка: прятали маленькую бутылочку в одежде, подвязывали под грудь. Если находили такие «схоронки» - судили несчастную мать. [11]

Первая зима была самая страшная – постоянный холод без теплой одежды и нормального питания перенесли не все - умерли самые слабые. В первую очередь это были старики и дети. Желание жить, сознание того, что на руках - малые дети, надежда на возвращение - все это помогло переселенцам выжить. Встретили первую на поселении северную весну, радовались солнечным лучам, теплу, зелени. Постепенно наладился быт, вместо землянок появились маленькие избушки, вроде стало немного легче жить...

В 1942 году - новое испытание. Все мужчины в возрасте от 17 до 60 лет были призваны в трудовую армию, а позднее и женщины, если у них не было детей до трех лет, где обращались с ними как с предателями Родины. «Трудармия» в действительности представляла собой лагерь для принудительных работ, окруженные высоким забором с вооруженной охраной. Условия, в которых должны были жить, и работать трудармейцы, по жесткости

не уступали образу жизни в колонии уголовников. В трудармии были и родители Шаф В.Г., Шик В.Ф., Узингер И.С., Фаиль М.Б. Мать Шаф В.Г., Анна Давыдовна, работая на лесозаготовках в Тюменской области потеряла глаз; Шик Фридрих Генрихович на тяжелых работах сильно подорвал здоровье, его жена, Мария Александровна (в девичестве Грицфельдт), похоронила его в Сибири.

Спецпоселенцы столкнулись с серьезной проблемой - психологической адаптацией к новым условиям, связанных с потерей социального статуса, потерей полной семьи. Тяжелый физический труд с пяти часов утра и до захода солнца в военное время и первобытные бытовые условия часто угнетающе действовали на людей, парализовывали волю к жизни.

Трудности в общении были большие. Смешение кровей, языков, нравов, обычаев, культур составляло своеобразную неразбериху. Тем, кому посчастливилось добраться семьей, чувствовал поддержку друг друга. Мамы, видимо, правильно ориентировались в новой обстановке, приучая к суровой жизни детей. Даже бедный паек надо было уметь делить. Те, у кого родители умерли, были наиболее обездоленными.

2.2. Образование и учеба

Плохо обстояло дело со школьным обучением немецких детей. У тех из них, чьи родители были в трудармии, возможности посещать школу практически не было. Но и среди тех, кто жил со взрослыми родственниками, в школу ходили единицы. Причины заключались в незнании русского языка, но в основном — в тяжелых материально-бытовых условиях, отсутствии одежды и обуви. [3] Свою роль сыграло и то, что работники районных отделов Наробраза основное внимание уделяли эвакуированным и детям фронтовиков. Так, руководство УНКВД по Омской области сообщало: «Работа по охвату школьников (немцев — *Л. О.*) всеобучем на местах проведена совершенно неудовлетворительно. В отдельных районах дети вовсе не обучаются, а в некоторых охват детей достигает 20–30 %. На местах райОНО совершенно

не проводит никакой работы по охвату школьным обучением детей немцев-спецпереселенцев. В райОНО нет даже сведений о количестве детей, подлежащих всеобучу. Вообще не уделяют им внимания». Некоторые немцы вынуждены были бросить школу, так как «учителя не стали их спрашивать» [4]. Информация о плохом школьном обучении немецких детей была доведена до сведения Наркмпроса. Но практических указаний не поступало [5]. Руководство страны было глухо к проблемам немецкого населения. В результате, на 1949 г. доля лиц немецкой национальности со средним и высшим образованием в Новосибирской области составляла 5,2 %, остальные имели низшее (начальное) образование или были неграмотны [6].

Школы были, но не каждый мог их посещать. Детям, которые прибыли вместе с родителями на поселение, но после остались сиротами, было просто не до этого, потому как нужно было прокормить себя и не дать умереть от голода своим младшим братьям и сестрам. Шаф В.Ф. вспоминает: «Старшим братьям было некогда учиться, иначе бы мы просто не выжили...» [9] «В военное время нам, детям немцев, было очень тяжело учиться в школе. Нас презирали учителя, а мальчишки били нас сумками, пинали ногами, кидали в нас камнями и кричали: «Бей фашистов!», - вспоминает Грицфельд В.Б. [12]

Кому-то повезло, и они закончили пятилетнее или десятилетнее образование, но таких было не много. Шик А.Ф. вспоминает – «В деревне была школа: всего четыре класса и одна учительница. Дети немцев сначала совсем не учились, так как надо было работать. Только совсем маленькие, как сестра Валентина, которой было два года, смогли впоследствии учиться».

2.4. Отношения с местным населением

Какого отношения к спецпоселенцам-«врагам» можно было ожидать от местного населения? Немцев часто воспринимали как фашистов, что сразу устанавливало границы общения с местным населением, особенно на первых порах. В их сознании были «мы» и «они». Ирма Грош, 1935 г.р., из села Грим Саратовской области вспоминает о нерадушной встрече их, немцев, в селе

Ильинка Красноярского края: «Мы были немцами – с «нами» шла война, нас восприняли как немцев-фашистов, мы явились жертвами пропаганды. Особенно трудно было нам, детям. Хоть не появляйся на улице – сразу закидывали нас камнями и плевали в лицо» [7].

Тем не менее, в основном, население относились к немецким детям с пониманием и сочувствием. Зачастую местные жители были очень дружелюбны к ссыльным. «Местное население в Славинка относилось к нам хорошо, помогали, чем могли», - говорит Шаф В.Ф. [9] «Местное население учило, как выжить. Дали поначалу что могли. Правда, в бытовых ссорах называли фашистами», - рассказывала Фаиль М.Б. [11] Случаи жестокости между детьми ссыльных и местного населения, конечно же, были, но дети есть дети и в большинстве случаев они прекрасно ладили между собой. В них не было столько ненависти и злобы, как у взрослых.

Заключение

Таким образом, из рассказов моих земляков выяснилось, что все они были депортированы в 1941 г., в начале войны, из-за своего немецкого происхождения. Однако, несмотря на это, российские немцы добросовестно трудились, честно жили среди русского населения, создавали интернациональные семьи. Эти люди сохранили традиции своих предков, но по праву считают Россию своей Родиной. Все они стали жертвами войны, развязанной гитлеровской Германией. А долг нас, сегодняшних, знать и помнить о прошлом, не закрывая глаз, не делая вид, что оно быльем поросло... Современное человечество сегодня имеет целый пакет международных документов о защите детства, начиная с Конвенции о правах ребенка. Но, современная практика говорит об обратном: гибнут, страдают, мучаются дети - будущее человечества: в войнах, межнациональных и религиозных конфликтах.

Литература

1. «Выселить с треском». Очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев: Сб. научн. статей и воспоминаний / Под ред. А.А. Германа, О.Ю. Силантьевой. М.: «МСНК-пресс», 2011. – 352 с.
2. Сайт Красноярского отделения Всероссийского общества «Мемориал»: www.memorial.krsk.ru
3. ГАРФ. Ф. Р-9479, оп. 1, д. 133, л. 308, 315об, 316, 346.
4. ГАРФ. Ф. Р-9479, оп. 1, д. 133, л. 303, 303об.
5. Там же, л. 308. Подсчитано по: ИЦ УВД НС О. Ф. 5, оп. 1, д. 46, л. 7, 8.
6. ГАНО. Ф. Р-1020, оп. 5а, д. 13, л. 156.
7. Федеральный журнал «Сенатор» www.senat.org
8. Воспоминания Шаф.В.Г.
9. Воспоминания Шаф (Шик) В.Ф.
10. Воспоминания Узингер И.С.
11. Воспоминания Фаиль М.Б.
12. Воспоминания Грицфельд В.Б.